

Научная статья

УДК 130.2

<https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.8>

Русская философия истории (Д. Мережковский и Н. Бердяев) в контексте философии кризиса Белы Хамваша

Александр Александрович Сауткин¹, Габор Ковач²

¹Мурманский арктический государственный университет, Мурманск, Россия,
sautkin72@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4238-8619>

²Исследовательский центр гуманитарных наук, Будапешт, Венгрия,
Kovacs.Gabor@abtk.hu, <https://orcid.org/0000-0001-6077-8269>

Аннотация. В статье рассматривается восприятие идей русской религиозной философии истории венгерским мыслителем Белой Хамвашем. Охарактеризованы общие положения так называемой «кризеологии» – трансдисциплинарной области исследований, которую Хамваш рассматривает как одну из наиболее актуальных в свете нарастающего мирового кризиса. Показано, что среди источников, использовавшихся Хамвашем для построения целостной философской концепции кризиса, были и работы русских религиозных философов. Наиболее часто Хамваш обращался к идеям Д.С. Мережковского и Н.А. Бердяева, принадлежавших к числу наиболее известных и значительных интеллектуалов русской эмиграции. Выявлены основные темы, интересовавшие Хамваша в трудах Мережковского и Бердяева: у обоих Хамваш отмечает тяготение к масштабной метафизической интерпретации мировой истории и особую религиозную установку их историософской герменевтики. В творчестве Мережковского Хамваш подчеркивает стремление углубить историческую перспективу и включить наследие древнейших культур в контекст современных дискуссий о новом религиозном сознании. Бердяев же интересует венгерского философа, в первую очередь, как автор концепции «нового Средневековья», а кроме того – как выразитель особого «ориентального историзма».

Ключевые слова: современность, кризис, кризеология, философия истории, взаимовлияние культур, русская философия, новое Средневековье, религиозная мысль.

Для цитирования: Сауткин А.А., Ковач Г. Русская философия истории (Д. Мережковский и Н. Бердяев) в контексте философии кризиса Белы Хамваша // Общество: философия, история, культура. 2021. № 12. С. 63–69. <https://doi.org/10.24158/fik.2021.12.8>.

Финансирование: настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта № 20-511-23002 «Миграция идей и формирование национальных философских традиций: диалоги поверх границ».

Original article

Russian philosophy of history (D. Merezhkovsky and N. Berdyaev) as part of Béla Hamvas' philosophy of the crisis

Aleksandr A. Sautkin¹, Gábor Kovács²

¹Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia, sautkin72@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-4238-8619>

²Research Center for Humanities, Budapest, Hungary,
Kovacs.Gabor@abtk.hu, <https://orcid.org/0000-0001-6077-8269>

Abstract. The authors examine the perception of the ideas of Russian religious philosophy of history by the Hungarian thinker Bela Hamvas. The authors characterize the basic statements of the so-called “criseology” – a transdisciplinary field of research, which was considered by Hamvas as one of the most relevant in the light of the growing world crisis. It is shown that among the sources in order to build a holistic philosophical conception of the crisis Hamvas used also works of Russian religious philosophers. Most often, Hamvas turned to the ideas of D.S. Merezhkovsky and N.A. Berdyaev, who were among the most famous and significant intellectuals of the Russian emigration. The main topics that interested Hamvas in the works of Merezhkovsky and Berdyaev are revealed: in both authors, Hamvas notes an approach towards a large-scale metaphysical interpretation of world history and a special religious attitude of the historiosophical hermeneutics. In Merezhkovsky's work, Hamvas emphasizes the effort to deepen the historical perspective and include the heritage of ancient civilizations in the context of modern discussions about the new religious consciousness. Hungarian philosopher is interested in Berdyaev, first of all, as the author of the concept of the “new Middle Ages”, and besides, as a representative of a special “oriental historicism”.

Keywords: modernity, crisis, criseology, philosophy of history, mutual influence of cultures, Russian philosophy, the new Middle Ages, religious thought

For citation: Sautkin, A.A., Kovács, G. (2021) Russian philosophy of history (D. Merezhkovsky and N. Berdyaev) as part of Béla Hamvas' philosophy of the crisis. *Society: Philosophy, History, Culture*. (12), 63–69. Available from: doi:10.24158/fik.2021.12.8 (In Russian).

Funding: the research was carried out with the financial support of Russian Foundation for Basic Research and Foundation "For Russian language and culture" in Hungary within the framework of the scientific project no. 20-511-23002 "The migration of ideas and formation of national philosophical traditions: dialogues across borders".

Творчество венгерского писателя и философа Белы Хамваша чрезвычайно разнообразно и многопланово (Сауткин, 2020), однако в нём обнаруживается ряд ключевых идей, чья совокупность выступает своего рода несущей конструкцией его мировоззрения. Одной из таких базовых идей, определивших направление его размышлений, является идея мирового кризиса, которую он начал разрабатывать в период между мировыми войнами. Эти исследования с внешне-социальной стороны были обусловлены его работой в качестве главы городской библиотеки Будапешта (эту должность он занимал с 1927 года) и служебным поручением составить полную библиографию литературы, посвященной теме кризиса. Однако эта тема оказалась столь созвучной внутреннему интеллектуальному настрою Хамваша, что итогом работы стал не просто формальный отчет об имеющихся в распоряжении библиотеки источниках (аннотированный указатель, включавший восемьсот двадцать три источника), но, по сути, введение в новую трансдисциплинарную область исследований, которую сам Хамваш именовал «кризеологией» (Hamvas, 1938).

Очевидным образом, Европа, пережившая мировую войну, несколько революций, крушение четырех империй и существенный передел политической карты, уже длительное время жила в ощущении неких фундаментальных цивилизационных сдвигов, так что совершенно не случайно, что Хамваш стремился к целостному осмыслению проблематики кризиса. Он рассматривает кризис как состояние предельной неразберихи и запутанности (*die Verwirrung*), в котором весь структурный порядок социальной и духовной жизни человечества становится проблематичным (Hamvas, 1938: 13). С объективной точки зрения он проявляется как неразрывное переплетение множества проблем, возникающих во всех областях жизни, а с субъективной точки зрения – как кризисное сознание (*das Krisenbewusstsein*). Хамваш указывает, что «кризисное сознание – это осознание неразрешимости кризисных явлений, переживание бремени всего человеческого существования, которое сопровождается чувством незащищенности и катастрофы» (Hamvas, 1938: 13).

При этом Хамваш отмечает и то обстоятельство, что кризис может стать предпосылкой для возвращения к нормальной жизни (как известно, этимологически греч. κρίσις связано со значениями «различать, разделять, выносить суждение, принимать решение», т. е. кризис – это граница, разделяющая некоторые положения дел, поворотный пункт в развитии какого-либо процесса). Вопрос, правда, в том, что считать «нормальным», поскольку Хамваш понимает кризис как ситуацию, когда всё становится предельно сомнительным, всё оказывается под вопросом: здесь он прибегает к определению «*fragwürdig*», которое использовал Ницше, чтобы указать на неразрешимое переплетение элементов кризисной ситуации и их ненадежный, «сомнительный» характер.

Хамваш обращает внимание на то, что мировой кризис (или, как бы мы сейчас сказали, – глобальный) – это явление относительно недавнего времени. Можно даже сказать, что это исключительная характеристика положения дел именно начала XX века (первой его четверти), несмотря на то, что, конечно же, ранее тоже возникали какие-то похожие ситуации. История знает множество примеров финансовых, сельскохозяйственных, торговых или промышленных «кризисов», однако, с точки зрения венгерского мыслителя, применять к подобного рода ситуациям раннего Нового времени или даже относительно недавнего XIX века определение «кризис» не вполне правомерно, потому что они были только политическими, экономическими, религиозными и т. д. потрясениями и имели характер локального нарушения порядка, в отличие от универсального и «сложносплетенного» кризиса XX века.

Все эти «кризисы» были либо изолированными, либо проявлялись на относительно небольших территориях и были в принципе разрешимы. В подлинном смысле говорить о кризисе стало возможным лишь когда многообразные сложности обнаружались во всех сферах человеческой жизни и всецело приобрели характер роковой запутанности – как неизбежность потрясений для всех вещей, отношений, намерений (Hamvas, 1938: 5).

Человек, живущий в кризисной ситуации, чувствует себя неуверенно. Реальность становится странно тонкой, текучей, нематериальной, ненадежной. Человек больше не стоит на прочной и твердой основе. Он чувствует себя преданным во власти невидимых и неизвестных сил, и именно в этой неуверенности проявляются характерные черты кризисного сознания: страх, растерянность и чувство опасности (Hamvas, 1938: 14–15).

Историю кризеологии Хамваш делит на три периода: первый он именует «пророческой кризеологией» – это произведения, которые появились до того, как разразился настоящий мировой кризис, т. е. вышедшие до 1919 года; второй период (с 1919 по 1929 годы) – это классическое время «общих кризеологий», которые преимущественно сосредоточивались на историческом, религиозном и моральном кризисе. С 1929 года, после финансового кризиса, разразившегося в Нью-Йорке, наступил третий период кризеологических исследований: они большей частью посвящены экономическим и социальным аспектам кризиса.

Как явствует из сказанного выше, в своих кризеологических размышлениях Хамваш обращался к огромному количеству источников (надо отметить, что он был чрезвычайно эрудирован и работал с литературой самых разных авторов, издававшейся на различных европейских языках). Среди произведений, помогавших ему осмыслить проблему кризиса, были сочинения и русских мыслителей. Хамваш регулярно обращался в своих текстах к русским философам и писателям, однако их идеи в его творчестве «симфонически» переплетены с идеями множества других авторов, которые служили Хамвашу материалом для кризеологических обобщений.

Наиболее часто из числа русских авторов в текстах Хамваша, посвященных кризису, упоминаются Николай Бердяев и Дмитрий Мережковский. Непосредственные причины этого достаточно очевидны: именно они получили на Западе широкую известность, которая выходила за пределы эмигрантских кругов, и были значимыми фигурами в европейском культурном контексте. При этом оба автора, чья европейская репутация сложилась ещё до военных и революционных потрясений, писали на темы, чрезвычайно близкие Хамвашу.

И Бердяев, и Мережковский вышли из самых глубин разразившейся катастрофы: путь их на Запад был чрезвычайно драматичен, и это тоже указывало Хамвашу на близость их судеб, поскольку сам он переживал нечто подобное в своей стране. И пусть масштаб катастрофических событий был несоизмерим с тем, что происходило в те же годы в России, но, по сути, в обеих странах свершалось одно и то же: конкретные исторические события были лишь внешним выражением общих кризисных тенденций, поэтому то, о чем писали Мережковский и Бердяев, было рассказом об определенных аспектах единого мирового кризиса. Можно даже сказать, что это были своего рода свидетельские показания, но вместе с тем и попытка проникнуть вглубь, за пределы видимых форм социальных, политических, экономических явлений, попытка постичь метафизические основания кризиса.

Д.С. Мережковский, пророчествуя в 1930 году о неизбежности новой мировой войны, говорил о себе и своих соотечественниках именно как о тех избранных, кому открылись эти метафизические глубины истории: «Русские изгнанники, крайние жертвы войны, люди с содранной кожей – чувствительнейшие барометры европейской военной погоды, лучшие оценщики европейских слов о мире» (Мережковский, 1992: 15–16).

Эту особую черту русской философии Хамваш очень точно подмечает в своём эссе «Философия истории русской эмиграции» (*“Az orosz emigráció történefilozófiája”*, 1934): «У характерных русских мыслителей вся структура их мысли – философско-историческая. ... Бердяев говорит, что это свойственно русским, потому что “русских всегда интересовала загадка их собственного государства и его исторического призвания... Исконная русская мысль обращается к эсхатологическим проблемам конца истории, и она апокалиптична”» (Хамваша, 2002а: 79). И Мережковский, и Бердяев для Хамваша воплощают эту специфическую интенцию, которую он именуется «ориентализмом», хотя он, разумеется, учитывает и различия между этими мыслителями, столь глубоко захваченными апокалиптическими переживаниями.

Литературное творчество Д. Мережковского получило известность в Венгрии еще в 1914 году, когда в Будапеште был опубликован перевод второй книги из трилогии «Христос и Антихрист» – роман «Леонардо да Винчи». После войны, в 1920-е годы, Мережковского активно переводят и издают на венгерском языке, а известный журналист и писатель Миклош Шураньи посвящает русскому литератору цикл очерков, опубликованных в 1924 г. в важнейшем журнале того времени «Nyugat» («Запад»)¹.

В изданном Хамвашем библиографическом указателе две работы Мережковского, опубликованные на немецком языке соответственно в 1907 и 1919 годах, помещены в первый раздел под названием «Пророческая кризеология»: это книги «Грядущий Хам» и «На пути в Эммаус» (Hamvas, 1938: 19).

Очевидно, что критика позитивистского мировоззрения и «мещанских» идеалов, равно как поиски «нового религиозного сознания» и идея «Третьего Завета» в дореволюционном творчестве

¹ Surányi M. Mereskovszkij [Электронный ресурс] // ÓSHAGYOMÁNY. URL: <http://oshagyomany.vidya.hu/OH01/OH0101.html> (дата обращения: 04.12.2021).

Мережковского вполне могли быть вдохновляющими для Хамваша, однако в период, когда он оказывается поглощен размышлениями о мировом кризисе, живейший отклик вызывают у него уже новые книги русского автора. Как известно, в 1925 г. Мережковский выпустил первый том своей историософской трилогии «Тайна трёх», которая в скором времени была переведена на европейские языки и вызвала значительный резонанс в интеллектуальных кругах. В 1930 и 1932 гг. вышли в свет следующие тома этого произведения. О знакомстве с ними (в частности со второй частью трилогии – «Тайна Запада: Атлантида – Европа») недвусмысленно говорит характеристика текущего мироощущения русского писателя, которую Хамваш дал в своём «Наброске к апокалиптической философии истории» (1933): «Мережковский: катастрофа Европы – это катастрофа всего человечества. И не историческая, а космическая. Речь идет о том же, что произошло в случае с Содомом и Гоморрой. Случай Атлантиды. Симптомы точно такие же. <...> Это не исторический, не природный... процесс. Это вопрос Бога и Человека. Все виды науки запутаны и неоправданно высокомерны, если они ставят под сомнение единственно и исключительно решающую важность трансцендентных отношений между человеком и Богом... И кто бы это ни был, он почувствует, что отношения нарушены. Бог отвёл руки от этого человечества. Его судьба не может отличаться от судьбы Атлантиды» (Хамваш, 2010: 68–69).

Общая ориентация историософских размышлений Мережковского в этот период связана с попыткой найти в глубинах истории некоторые основания для будущего преобразования человечества, для выхода из нынешнего кризиса. При этом автор «Тайны Запада» стремится к чрезвычайно масштабному синтезу духовных традиций, обращаясь к наследию ушедших цивилизаций (Египта, Вавилона, гипотетической Атлантиды и т. д.). Как справедливо отмечает Н.В. Михаленко, «писатель, осознав крах социальных связей, которые пережила послереволюционная Россия, обратился к древним культурам, в которых искал средства от кризиса веры, переживаемого гражданами новой эпохи» (Mikhalenko, 2020: 351). Удивительным образом в дальнейшем эти же слова можно будет сказать и о позднем творчестве самого Белы Хамваша.

Хамваш пишет о том, что никто не подтверждает эту апокалиптическую историософскую тенденцию русской философии лучше Мережковского, поскольку в основе всего его творчества лежит масштабная философско-историческая идея: «История – это борьба Христа и Антихриста, но не во время... историческое, а в более глубоком смысле; мысль о Христе не палестинского происхождения, а египетского <...>, равно как мысль об Антихристе – не от евреев, а с востока, от вавилонян» (Хамваш, 2002а: 79). Это углубление исторической перспективы до Египта и Вавилона (а в книге «Тайна Запада» – до самой Атлантиды) призвано, по Хамвашу, показать извечность исторической борьбы двух фундаментальных эсхатологических установок, которые столь различны у вавилонян и египтян: «Вера вавилонянина – это бессмертие души, в конечном счете, это то, что сегодня называют неуничтожимостью энергии; это материальная, земная идея. Вера египтянина – Воскресение; это божественная идея. Воскресение не может быть доказано, как дважды два четыре, потому что воскресение – гораздо более надежная реальность, чем дважды два четыре» (Хамваш, 2002а: 80).

Соответственно, вся история понимается как битва одних и тех же сил: в этой углубленной перспективе (Атлантида – Вавилон – Египет – Греция – Рим – Средневековье – Новое время) мы везде наблюдаем одну и ту же постоянную психологическую драму – в том числе, и в наши дни.

Николай Бердяев, подобно Д. Мережковскому, был включен в интенсивный диалог (приватный и публичный) с множеством современных ему выдающихся европейских мыслителей, а его работы, издававшиеся на трех языках (немецком, французском, английском), как отмечает Хамваш, создали ему общеевропейскую известность: «Литература, посвященная ему, уже очень обширна; в нем видят глубочайшего представителя современной русской духовности» (Хамваш, 2002а: 84). Несколько книг Бердяева, преимущественно на немецком языке (за исключением сборника «*The Bourgeois Mind and Other Essays*», изданного на английском в Лондоне в 1934 году), были включены в различные разделы подготовленного Хамвашем библиографического указателя кризисологической литературы. Так, в раздел «Духовный кризис» включен немецкий перевод книги «Смысл творчества», в раздел «Кризис идеи человека» – швейцарские издания работ «Судьба человека в наше время» и «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики», в раздел «Исторический кризис» помещена книга «Новое Средневековье», в раздел «Культурный кризис» – статья «Кризис культуры в свете философии истории», а вышеупомянутое англоязычное издание «Буржуазное сознание» мы находим в разделе «Общественный кризис». Исходя из того, что мы читаем в текстах самого Хамваша, можно заключить, что наиболее влиятельной работой Бердяева он считал книгу «Новое Средневековье».

В своих кризисологических работах Хамваш неоднократно обращается к историософским идеям Бердяева, указывая, что «Бердяев – мыслитель, у которого вся проблематика русской философии истории предстает без каких-либо беллетристических недоразумений и излишней субъективности, что не означает, что она лишена характерной русской страсти» (Хамваш, 2002а: 84). Бердяеву специально посвящены несколько статей венгерского исследователя, в числе которых

назовём «Новое средневековье (Философия истории Николая Бердяева)» (1932) (Хамваш, 2002с: 213–220), «Николай Бердяев: Христианство и классовая борьба» (1933) (Хамваш, 2002b: 271–275), «Н. Бердяев: Марксизм и религия» (рецензия на книгу) (Hamvas, 1935).

В статье «Новое средневековье (Философия истории Николая Бердяева)» Хамваш заявляет, что в бердяевской философии истории обнаруживаются удивительные сходства с идеями Ницше и Бахофена, что позволяет причислить русского мыслителя к непосредственным преемникам этой линии. Это сходство, пишет Хамваш, проявляется, во-первых, в том, что «у Бердяева главный вопрос: обнищание жизни» (Хамваш, 2002с: 214) (соответственно у Ницше – вырождение и ослабевание человека как «морального животного», у Бахофена – разрушение изначальной гинекократии), а во-вторых, в попытке из первоначальных времен вывести некую положительную модель будущего, то, что Хамваш поименовал «новым историзмом»: «Решение Ницше: *Übermensch*. Предчувствие Бахофена: новый матриархат. <...> историческое визионерство Бердяева: новое средневековье» (Хамваш, 2002с: 214).

Хамваш подчеркивает, что философия Бердяева, при том, что она «дисциплинирована европейским духом», всё же не является в основе своей европейской – она религиозна и пророческа, в ней сквозит тот особый «ориентализм», о котором мы уже упоминали. Европа, по словам Хамваша, всегда принимала культ природы, основанный на эллинизме, и была культурой личности: «Природа и индивидуальность суть две точки, между которыми натянут лук европейского мира, а целью является их гармония: космос, “прекрасный порядок”» (Хамваш, 2002а: 70).

Основа русского духа – не эллинская, полагает Хамваш, она наследует «духовности анатолийской церкви»: «Ориентализм отрицает природу, из которой он хочет выйти, и ненавидит личность, которую почитает грехом» (Хамваш, 2002а: 70–71). Соответственно, Россия ничего не знает об отдельном человеке, но всегда – лишь о вечном человечестве, и если перспектива истории в Европе – «естественно космическая», то в России – «демоническая». Хамваш поясняет, что «ориентализм» – это религиозная ориентация, а «сущность религии никогда не раскрывается в проявлениях в мире, но только в понимании внутренней имманентной структуры. Основной опыт русской религии – это демонизм глубин жизни» (Хамваш, 2002а: 71).

Иными словами, Бела Хамваш подмечает в русской философии принципиальное противостояние природе как некоторой данности и, в каком-то смысле, противостояние началам жизни, поэтому он и обозначает эту тенденцию как «демоническую». Религиозный порыв разрушает природное в человеке, он должен вывести его за пределы Природы, и человек становится местом, где бушуют демонические силы, разрушающие жизнь. Именно этот демонизм и составляет «ориентальное ядро» русской духовности: «...демоническое – это как раз разрушение той фундаментальной сущности, на которой находится человек. Жизнь – это нечто окончательное, чего человек не может преступить, не будучи уничтоженным сам. Уничтожение жизни – это разрушение человека, освобождение “ужасных духов небытия и самоуничтожения” (Бердяев) <...> Если русский хочет вечности, он должен аннулировать себя, и если он на мгновение поддается жизни, сразу возникает страшная опасность потерять вечность» (Хамваш, 2002а: 72).

Может показаться, что применительно к Бердяеву эти рассуждения выглядят парадоксально, поскольку бердяевская позиция принципиально персоналистична, во множестве произведений он прямым текстом декларировал ценность личностного начала, субъективного мира человека и т. п. Однако та мысль, что «человек по существу своему есть уже разрыв в природном мире, он не вмещается в нем» (Бердяев, 1989: 297) очевидным образом чревата тем «демонизмом глубин», на который указывает Хамваш. Тем религиозным демонизмом, что ведёт человека к попыткам высвободиться из природного измерения, ведь, как говорит Бердяев, «Бог и есть бесконечная тайна, скрытая за бытием. И потому только и можно вынести зло и муку жизни. Невозможно вынести, чтобы мир и человек довлели себе и чтобы не было ничего дальше и выше, глубже и таинственнее» (Бердяев, 1931: 29). В рамках настоящей статьи мы не предполагаем развивать этот анализ – наша задача состоит в том, чтобы отметить релевантность и продуктивность хамвашевской интерпретации русской философии истории.

Подлинная история начинается с христианства, потому что с него начинается состояние свободы. Однако Хамваш добавляет, что «мы ни на минуту не должны забывать, что когда Бердяев говорит “христианство”, он имеет в виду свое особое христианство. И это не христианство европейских церквей, а христианство анатолийской церкви, переплетенное с Достоевским. Это особое понимание глубины жизни, характерное для восточного русского диаволического (sic!) христианства, в котором клубится тёмное, страстное отчаяние Достоевского и полно адских мучений» (Хамваш, 2002а: 86).

По мысли Хамваша, Бердяев ясно видит, что, подобно тому, как в своё время античная цивилизация рухнула, чтобы уступить место историческому Средневековью, наступление «Нового Средневековья» так же зависит от полного уничтожения древнего мира – только теперь в качестве такового выступает Новое время и наследие Просвещения. Европа стоит перед решающим выбором, и от этого выбора зависит духовность всего следующего периода.

Консерватизм, по мысли Хамваша, не может быть настоящим выходом для человечества в состоянии кризиса: «Консерватор противостоит истории. Он не хочет истории. Он хочет остановить время – или повернуть его вспять. Он отрицает время. <...> Апокалиптическая философия истории – это не отрицание, а восстание <...> Она говорит “да” истории» (Хамваш, 2010: 73, 75). Иными словами, в определенные периоды созидание становится бессмысленным, а подлинно исторической силой себя являет разрушение, которое должно быть использовано для уничтожения всего прогнившего, нежизнеспособного, омертвевшего: «Апокалиптическая философия истории – это героическое одобрение истории» (Хамваш, 2010: 77).

Дальнейшее развитие кризисологической концепции Белой Хамвашем приведет его к углублению метафизического понимания кризиса в духе интегрального традиционализма Р. Генона и Ю. Эволи. Однако полагаем, что в формировании этих взглядов немалую роль сыграло и знакомство с русской философией истории. При всей специфичности и даже некоторой пейоративности используемых Хамвашем определений русской философии истории нельзя сказать, что он выражает какую-то определенную оценку – тем более, однозначно негативную. Напротив, его критический анализ позволяет выявить как этнокультурное своеобразие русской апокалиптической установки по отношению к мировой истории, так и её универсальное значение, поскольку сочинения Мережковского и Бердяева (а также Вл. Соловьева, Розанова, Вяч. Иванова, Шестова и др., с чьим творчеством Хамваш был знаком) – это ещё один способ понимания мирового кризиса, ещё одна версия его интерпретации – наряду с немецкой, испанской, венгерской и т. д. И в этом заключается их бесспорная ценность.

Список источников:

- Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Париж, 1931. 320 с.
Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 254–535.
Мережковский Д.С. Атлантида – Европа: Тайна Запада. М., 1992. 411 с.
Сауткин А.А. Бела Хамваш и рецепция традиционалистских идей Р. Генона и Ю. Эволи в Венгрии // Общество: философия, история, культура. 2020. № 12 (80). <https://doi.org/10.24158/fik.2020.12.6>.
Хамваш Б. Николај Берђајев // Хамваш Б. Речи и дамари I. Прикази (1934–1936) / избор и превод Сава Бабић. Београд, 2002б. С. 271–275.
Хамваш Б. Нови Средњи век (Филозофија историје Николаја Берђајева) // Хамваш Б. Речи и дамари I. Прикази (1934–1936) / избор и превод Сава Бабић. Београд, 2002а. С. 213–220.
Хамваш Б. Скица за једну апокалиптичну филозофију историје // Хамваш Б. Историја и апокалипса / превод Сава Бабић. Београд, 2010. С. 68–69.
Хамваш Б. Филозофија историје Руске емиграције // Хамваш Б. Речи и дамари II. Прикази (1934–1936) / избор и превод Сава Бабић. Београд, 2002с. 298 с.
Hamvas B. (szerk.) A világválság [Bibliográfia és előszó]. Budapest, 1938.
Hamvas B. Nyikoláj Bergyajev: Marxizmus és vallás [Könyvrecenzió] // Társadalomtudomány. 1935. Október–December. 323–324.
Mikhalenko N.V. Images and symbols of ancient civilizations in the works of Dmitry Merezhkovsky and Alexander Chayanov in the context of the literary and philosophical process of the late nineteenth – early twentieth centuries // Studies in East European Thought. 2020. № 72. P. 351–362. <https://doi.org/10.1007/s11212-020-09372-4>.

References:

- Berdyaev, N.A. (1931). O naznachenii cheloveka. Opyt paradoksal'noj etiki [About the purpose of a human. An essay on the paradoxical ethics]. Paris: Sovremennye zapiski. (In Russian)
Berdyaev, N.A. (1989) Smysl tvorchestva [The Meaning of the Creative Act]. In: Berdyaev, N.A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Moscow: Pravda. 254–535. (In Russian)
Hamvas, B. (2010) Skica za jednu apokaliptichnu filozofiju istorije. In: Hamvas, B. *Istorija i apokalipsa*, prevod Sava Babiћ. Beograd: Draslar partner.
Hamvas, B. (2002a) Filozofija istorije Ruske emigracije. In: Hamvas, B. *Rechi i damari II. Prikazi (1934–1936)*, izbor i prevod Sava Babiћ. Beograd: Draslar.
Hamvas, B. (2002b) Nikolaj Berђajev. In: Hamvas B. *Rechi i damari I. Prikazi (1934–1936)*, izbor i prevod Sava Babiћ. Beograd: Draslar. 271–275.
Hamvas, B. (2002c) Novi Srednji vek (Filozofija istorije Nikolaja Berђajeva). In: Hamvas B. *Rechi i damari I. Prikazi (1934–1936)*, izbor i prevod Sava Babiћ. Beograd: Draslar. 213–220.
Hamvas, B. (szerk.) (1938) *A világválság [Bibliográfia és előszó]*. Budapest: Székesfőváros Házinyomdája.
Hamvas, B. (1935) Nyikoláj Bergyajev: Marxizmus és vallás [Könyvrecenzió]. *Társadalomtudomány*, Október–December. 323–324. o.
Merezhkovskij, D.S. (1992) *Atlantida – Evropa: Tajna Zapada [Atlantis – Europe: The Secret of the West]*. Moscow: Russkaya kniga. (In Russian)
Mikhalenko, N.V. (2020) Images and symbols of ancient civilizations in the works of Dmitry Merezhkovsky and Alexander Chayanov in the context of the literary and philosophical process of the late nineteenth – early twentieth centuries. *Studies in East European Thought*. (72). 351–362. Available from: <https://doi.org/10.1007/s11212-020-09372-4>.
Sautkin, A.A. (2020) Béla Hamvas and the reception of the traditionalist ideas of R. Guénon and J. Evola in Hungary. *Society: philosophy, history, culture*. (12). 47–52. Available from: <https://doi.org/10.24158/fik.2020.12.6>. (In Russian)

Информация об авторах

А.А. Сауткин – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социальных наук Мурманского арктического государственного университета, Мурманск, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=430318.

Г. Ковач – PhD in Political Philosophy, старший научный сотрудник Института философии, Исследовательский центр гуманитарных наук, Будапешт, Венгрия.

Information about the authors

A.A. Sautkin – PhD, Associate Professor, Philosophy and Social Studies Department, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=430318.

G. Kovács – PhD in Political Philosophy, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Research Center for Humanities, Budapest, Hungary.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.11.2021;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.12.2021;

Принята к публикации / Accepted for publication 09.12.2021.